

КИМ
ПЕСОК
И
ШЕСТЕРНИ

КИМ КИМ

Песок и шестерни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72628981

SelfPub; 2025

Аннотация

Историк Алексей Прохоров сделал единственно возможное – спас невинную девушку от жертвенного ножа в прошлом. И этим обрек на гибель целый мир.

Теперь его настоящее трещит по швам. По улицам его города бродят тени из его кошмаров, а за всем стоит холодный Архитектор реальности, видящий в человечестве лишь брак.

Чтобы остановить его, Алексей должен объединить магию древних с наукой будущего и возглавить армию отверженных. Его оружие – парадокс. Его миссия – не победить, а сломать безупречный механизм судьбы.

Иногда, чтобы спасти мир, нужно подбросить песка в его шестерни.

Содержание

Глава 1. СКЕПТИК И ТЕНЬ	5
Глава 2. ПРОБУЖДЕНИЕ В ГРЯЗИ	10
Глава 3. ДЕРЕВНЯ БЕЗ БОГА	17
Глава 4. ЦЕНА ЗАЩИТЫ	24
Глава 5. НОЧНЫЕ ТВАРИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

KIM KIM

Песок и шестерни

Глава 1. СКЕПТИК И ТЕНЬ

Дождь отстукивал по крыше такси заунывный марш. Алексей Прохоров прижал к груди кожаную папку с распечатками – его оружие в войне, которую он давно проигрывал. Войне с человеческой глупостью, облечённой в тогу «духовных скреп» и «тайных знаний».

«На площадь, у музея», – бросил он водителю, откидываясь на сиденье.

Новгород проплывал за стеклом, размытый дождём и вечерними огнями. Город-музей. Город-миф. И сегодня, как и всегда, он был полон туристов, жаждавших прикоснуться к «седой старине». Алексею же хотелось прикоснуться к фактам. Но факты, как выяснилось, никого не интересовали.

Зал лектория был переполнен. На сцене, освещённый прожекторами, стоял Геннадий Полянский – самый модный псевдоисторик страны. Он говорил плавно, гипнотически, о «великом наследии предков», о «магии, что течёт в крови», о «заговоре академиков».

Алексей занял место в последнем ряду, положил папку на колени и ждал. Ждал своего часа.

«И вот, друзья мои, – возвестил Полянский, – я хочу представить вам доказательство! Доказательство того, о чём говорили наши бабушки!» – Он с пафосом поднял небольшой предмет. – «Этот амулет был найден в священных землях

под Новгородом! Он принадлежал волхву, жрецу древнего бога Рода!»

Зал ахнул. Вспышки фотоаппаратов ослепили сцену. Алексей медленно поднялся.

«Геннадий Викторович, – его голос, тихий и холодный, перерезал возбуждённый гул. – Вы разрешите задать вопрос?»

Полянский на мгновение смутился. «Конечно, коллега! Мы здесь для диалога!»

«Вы утверждаете, что этот амулет сделан из кости тура и имеет возраст не менее тысячи лет?»

«Именно так! Исследования проводились в...»

«В частной лаборатории "Артефакт", основанной вашим бывшим студентом, – закончил за него Алексей. Он открыл папку. – У меня здесь заключение независимой экспертизы. Радиоуглеродный анализ показывает, что возраст не превышает пятидесяти лет. Материал – коровья кость, обработанная современной кислотой».

В зале повисла мёртвая тишина. Полянский побледнел.

«Это... это клевета!»

«Это наука, – холодно парировал Алексей. – Вы продаёте людям сказки. Дешёвые, опасные сказки. Историю нужно изучать, а не придумывать».

Он повернулся и пошёл к выходу под оглушительный гул зала. За спиной он слышал бессильный крик: «Вы боитесь правды! Боитесь силы предков!»

Сила предков, с усмешкой подумал Алексей, выходя на промокшую площадь. Предки пахали землю, молились своим богам и умирали от болезней в сорок лет. Никакой магии. Только тяжкий труд и суеверия.

Его телефон завибрировал. Сообщение от заведующего кафедрой: «Алексей, что ты наделал? Полянский – медийная персона! У нас могут быть проблемы с финансированием!»

Он выключил телефон. Плевать. Через месяц он защищал диссертацию, а потом уезжал из этого города-музея, подальше от этой пыльной мишуры.

Он вспомнил, что обещал заглянуть в университетский музей – забрать книги из своего временного кабинета. Музей был уже закрыт, но сторож, старик Василий, знавший его годами, пропустил его, кивнув на свою чашку с чаем: «Заходи, согреешься».

Музей погрузился во тьму и тишину. Только аварийные светильники отбрасывали длинные тени от витрин. Воздух пах пылью и деревом.

Его кабинет – крошечная комнатка без окна – находилась в самом конце коридора. Он открыл дверь, щёлкнул выключателем. Люминесцентная лампа мигнула и зажглась, освещающая стол, заваленный бумагами.

Он начал собирать вещи. Его взгляд упал на картонную коробку в углу. Её принесли на прошлой неделе из какого-то старого фонда. Любопытство, профессиональная деформация, заставило его подойти. В коробке лежали безделушки:

монеты, ржавый нож, деревянная пряжка. И одна вещь, которая заставила его замереть.

Статуэтка.

Он взял её в руки. Она была тяжелее, чем казалось. Высотой с ладонь. Материал – не дерево и не камень, нечто среднее. Тёмная, почти чёрная поверхность поглощала свет. Форма была отталкивающей. Человеческий торс, неестественно вытянутый, переходил в нечто, напоминающее задние лапы волка. Руки слишком длинные, с когтистыми пальцами. Голова... вместо лица – лишь намёк на черты, сглаженные временем, но от этого ещё более жуткие.

Это не было ни на что похоже из известных ему культов. Ни славянских, ни скандинавских. Это было... чужое.

Он положил её на стол и сел, пытаясь понять. Возраст? Материал? Происхождение? Все его знания оказывались бесполезны. Эта штука не вписывалась ни в какие рамки.

Наверное, подделка викторианской эпохи, – попытался он успокоить себя. Но что-то внутри сопротивлялось. В этой вещи была своя, мрачная гармония.

Он потянулся за лупой. И в этот момент его пальцы снова коснулись статуэтки.

Боль.

Острая, жгучая, как от удара током, пронзила руку. Он вскрикнул и попытался отдернуть руку, но пальцы свело судорогой, приковав к деревяшке. Комната поплыла. Тени ожили, поползли по стенам. Свет лампы померк, стал зеле-

новатым и пульсирующим.

В ушах – не звук, а вибрация, низкочастотный гул, вдавливавшийся прямо в мозг. И сквозь этот гул прорвался ГОЛОС. Без слов, но с абсолютной, железной ясностью:

ОСТАНОВИ ЖЕРТВУ.

СПАСИ ДОЧЬ ЛЕСА.

ВРЕМЯ: 23:59:59

Перед глазами вспыхнули образы: тёмный лес, испуганные глаза девушки, окровавленный нож, свитый из корней... и огромное, больное дерево с чёрными язвами на коре.

Алексей отчаянно рванул руку. Статуэтка с сухим щелчком отпустила его. Он отлетел к стене, тяжело дыша. Рука горела, на ладони краснел свежий ожог в виде странного символа – переплетённые корень и кинжал.

Он посмотрел на статуэтку. Она лежала на столе, обычная, безжизненная. Никакого свечения.

Сердце колотилось где-то в горле. Галлюцинация? Приступ?

Он сделал шаг к двери, чтобы позвать на помощь. И в этот момент пол под ним перестал существовать. Его затянуло в воронку из шипящего мрака. Последнее, что он увидел, – испуганное лицо сторожа Василия, выглянувшего в коридор.

Таймер в его сознании отсчитал первую секунду.**23:59:58**

Глава 2. ПРОБУЖДЕНИЕ В ГРЯЗИ

Первым пришло обоняние. Резкий, густой запах навоза, прелого сена и чего-то кислого, похожего на рвоту. Он вошёл в сознание раньше, чем способность мыслить.

Потом – слух. Хриплое, прерывистое дыхание рядом. Шуршание соломы. Где-то вдали – отрывистые, гортанные крики, незнакомая речь.

И наконец – боль. Тупое, разлитое нытье во всём теле. Голова раскалывалась, словно по черепу били молотом. Ладонь пылала.

Алексей медленно открыл глаза. Темнота. Свет пробивался сквозь щели в стене, рисуя на земляном полу полосы пыльного золота. Он лежал на грубой, колючей соломе. Над ним низко нависали закопчённые балки, с которых свисали какие-то связки трав. Он был в хлеву. В самом настоящем, вонючем хлеву.

Сон. Бред. Отравление. Мысли путались, с трудом пробиваясь сквозь боль. *Полянский подсыпал что-то?*

Он попытался приподняться на локте, и мир поплыл. Его вырвало. Желчная, кислая жидкость обожгла горло и выплеснулась на солому. Тело содрогнулось в конвульсиях.

Шорох усилился. В углу, метрах в трёх от него, что-то по-

шевелилось. Он напряг зрение, вглядываясь в полумрак. Силуэт. Человек.

– Жив? – прозвучал хриплый голос. Слово было странным, архаичным, но... понятным. Мозг Алексея, лихорадочно работая, будто подбирал ключ к забытому коду. «Жив». Да, жив. Чёрт бы побрал это «жив».

Алексей кивнул, не в силах издать звук. Силуэт приблизился. Это был мужчина лет сорока, с обветренным, жёстким лицом, испещрённым морщинами и старым шрамом через левый глаз. Одет он был в грязную, пропотевшую рубаху и посконные штаны. В его руке был зажат заострённый кол – примитивное, но смертоносное оружие.

– Кто? – мужчина ткнул колом в его направлении. – Откуда?

Голос был полон не любопытства, а настороженной, усталой вражды.

Алексей попытался ответить, но из горла вырвался лишь хриплый звук. Он кашлянул, пытаясь смочить пересохшие губы.

– Алексей... – просипел он. – Я... из Новгорода.

Мужчина нахмурился. Его единственный глаз сузился.

– Нов-город? – он произнёс слово медленно, будто пробуя на вкус. – Не знаю. Далекó?

Да, очень далеко, – подумал Алексей с горькой иронией. *Очень.*

– Воды... – смог выговорить он.

Мужчина молча указал колом на деревянное ведро в углу. Алексей дополз до него, его тело протестовало каждой мышцей. Вода была мутной, с плавающими соринками, но он жадно зачерпнул горстью и пил, не обращая внимания на вкус тины и гнили.

Выпив, он почувствовал, что сознание проясняется. Боль отступала, уступая место холодному, тошному ужасу. Это не сон. Слишком реальны запахи, слишком детальны ощущения. Слишком реален вооружённый мужик, смотрящий на него как на диковинного зверя.

– Где я? – спросил Алексей, уже лучше управляя странным, но понятным языком.

– Еланино, – коротко бросил мужчина. – Нашли на Погибельной поляне. Голого. Чуть не мёртвого.

Погибельная поляна. Зловещее название. Алексей посмотрел на свою ладонь. Ожог в виде сплетённых корня и кинжала был ярко-красным, будто свежим.

– Как... я здесь оказался?

– Хрен те знает. Сам рассказывай. Ты чей? Беглый? Купец? Лазутчик? – Голос мужчины стал жёстче. – От "них"?

– Я... никто. Учёный. Историк.

Мужчина фыркнул, явно не поняв или не поверив.

Внезапно снаружи раздался пронзительный, протяжный крик. Не человеческий – животный, полный ярости и боли. Мужчина вздрогнул, его рука сжала кол до побеления костяшек. Он бросил на Алексея быстрый, оценивающий взгляд.

– Лежи. Не высовывайся. Убьют.

Он развернулся и выскользнул за грубую, скрипучую дверь хлева, прикрыв её за собой.

Алексей остался один. Он прислушался. Снаружи слышались возбуждённые голоса, быстрые шаги, лай собак. Было слышно напряжение, страх.

Он подполз к щели в стене и прильнул к ней глазом.

Его «тюрьма» стояла на краю деревни. Деревни, которая была похожа на осаждённую крепость. Избы, обнесённые частоколом из заострённых брёвен. Частокол был новым, свежие срезы дерева ярко желтели на фоне почерневших старых кольев. На некоторых участках частокола виднелись глубокие зазубрины, словно его пытались проломить чем-то огромным и сильным.

В центре деревни стояла большая, почерневшая от времени изба. Перед ней толпились люди. Мужчины, женщины, дети. Все они смотрели в одну сторону – к воротам. Их лица были измождёнными, испуганными. Алексей увидел, как несколько мужчин с рогатинами и топорами бросились к частоколу, взбираясь на примитивные помосты.

Потом его взгляд упал на землю рядом с хлевом. И он замер.

На грязной, утопанной земле лежала... ветка. Но какая-то неправильная. Слишком толстая, скрюченная, покрытая не листьями, а какими-то чешуйчатыми наростами. И она была липкой, тёмной. Алексей присмотрелся. Это была

кровь. Ветка была вся в крови.

Его рациональное сознание, цеплявшееся за версию о розыгрыше или психозе, дало трещину. Такую ветку он видел лишь в палеонтологическом музее. Она напоминала окаменелости каменноугольного периода.

Внезапно дверь хлева с силой распахнулась. На пороге стояли двое. Тот самый мужчина с колом и ещё один.

Второй был старше, лет шестидесяти. Высокий, сухощавый. Его лицо было аскетичным, с высоким лбом и глубоко посаженными глазами, в которых горел холодный, пронизывающий огонь. Он был одет в длинную, тёмную одежду из грубой ткани, а в руке держал посох из причудливо изогнутого дерева, увенчанный резным набалдашником в виде стилизованной птицы.

Он был не просто старейшиной. Он был властью.

Старик медленно вошёл внутрь. Его взгляд скользнул по рвоте на соломе, задержался на ведре с водой и наконец упал на Алексея. Он смотрел так, будто видел не тело, а то, что скрыто под кожей.

Мужчина с колом что-то тихо сказал старику, кивнув в сторону Алексея.

Старик сделал шаг вперёд. Воздух вокруг него словно сгустился. Запах хлева перебило новым ароматом – дыма, сушёных трав и чего-то древнего, землистого.

– Встань, – приказал старик. Его голос был низким и властным, не терпящим возражений.

Алексей, преодолевая слабость, поднялся на ноги. Он был выше старика, но чувствовал себя букашкой под взглядом этого человека.

Старик обошёл его, изучая со всех сторон. Он не касался его, но Алексей чувствовал его взгляд на коже, как физическое прикосновение.

– Голый, на Погибельной, – тихо проговорил старик, больше для себя, чем для других. – Ни ран, ни ссадин. Только след на руке. – Его глаза остановились на ожоге. – И запах...

Он вдруг приблизил своё лицо к шее Алексея и глубоко вдохнул.

Алексей отшатнулся от этого интимного, жуткого жеста.

– Какой запах? – выдавил он.

Старик отступил на шаг. Его глаза сузились. В них не было ни страха, ни удивления. Была лишь холодная, отточенная подозрительность.

– Запах железа, – произнёс старик. – Запах дыма, которого нет. И запах смерти, что ещё не пришла.

Он посмотрел прямо в глаза Алексею, и в его взгляде была бездна векового знания и неприкрытой угрозы.

– Я – Белотур, волхв Еланино. А ты, чужак, – беда. И я ещё не решил, стоит ли тебя убить сейчас или позже.

Он развернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из хлева. Мужчина с колом бросил на Алексея последний взгляд – смесь страха и ненависти – и последовал за ним, захлопнув дверь. Снаружи щёлкнул засов.

Алексей остался в полумраке, прислонившись к стене. Сердце бешено колотилось. Он сжал пылающую ладонь в кулак.

В его сознании, словно выжженное огнём, отсвечивали цифры. **23:12:04**

Останови жертву. Спасй дочь леса. Меньше суток.

Он был в ловушке. В прошлом. И его ждала не встреча с предками, а волхв, который видел в нём лишь вестника смерти.

Глава 3. ДЕРЕВНЯ БЕЗ БОГА

Следующие несколько часов Алексей провёл в лихорадочных попытках осмыслить бессмыслицу. Он шагал по тесному пространству хлева – три шага вперёд, три назад. Солома хрустела под ногами, издавая удушливый, пыльный запах.

Попаданец. Это слово, выуженное из глубин памяти о прочитанных в юности дешёвых романах, отдавалось в голове пустым, идиотским эхом. Он, Алексей Прохоров, кандидат исторических наук, атеист и материалист, стал персонажем фэнтези-балагана.

Он пытался применить научный метод. Гипотеза: повреждение мозга. Версия: отравление психотропным веществом. Но никакая галлюцинация не могла быть настолько детальной. Он чувствовал колючесть соломы, вязкую грязь на полу, вкус той самой воды. Он слышал каждый звук снаружи – крики детей, лай собак, отдалённые, странные шорохи из леса, что подступал к деревне тёмной, угрожающей стеной.

И был тот самый таймер. Постоянный, неумолимый счётчик в сознании. Он не видел его глазами, но ощущал, как некую аксиому, как знание о том, что он дышит. **22:41:18**

«Останови жертву. Спаси дочь леса».

Он подошёл к щели и снова начал наблюдать. Деревня приходила в движение после ночной тревоги. Женщины раз-

водили костры, готовя еду – похлёбку в подвешенных над огнём горшках. Мужчины с оружием патрулировали часток. Их движения были отточены, но в глазах читалась усталая, привычная напряжённость. Они не просто жили здесь. Они выживали.

Алексей заметил, что многие избы на окраине стояли обугленные, с провалившимися крышами. Следы недавнего пожара. Или штурма.

Его внимание привлекла группа людей, собравшаяся у большой избы в центре. Среди них был Белотур. Рядом с волхвом стояла пожилая женщина в тёмном платье, с лицом, испещрённым морщинами, но с прямой, гордой осанкой. Она что-то говорила, жестикулируя в сторону леса, и люди слушали её с меньшим вниманием, чем Белотуру.

Знахарка. Ведунья, – мелькнула догадка.

И тут он увидел её. Девушку, выходящую из той же избы. Лет четырнадцати-пятнадцати. Бледное, испуганное лицо, большие глаза, в которых читался не детский страх, а глубокая, взрослая тоска. Она была одета просто, но чисто, а на шее у неё висел небольшой деревянный амулет в виде спирали.

Внутренний голос, тот самый, что прорывался сквозь боль, дрогнул. Не словами, а ощущением. *Цель. Дошь леса.*

Девушка что-то сказала знахарке, и та обняла её за плечи, словно утешая. Этот жест был полон такой безысходной нежности, что у Алексея сжалось сердце.

Внезапно дверь хлева снова открылась. На пороге стоял не страж с колом, а подросток лет двенадцати, тощий, с взъерошенными волосами. Он держал в руках деревянную миску с дымящейся похлёбкой и ломоть чёрного хлеба.

– Держи, – буркнул мальчишка, протягивая миску. – Белослава велела. Говорит, даже беде надо силы сохранить.

Алексей взял миску. Похлёбка пахла луком, какой-то травой и... мясом, которое он не смог опознать. Он был смертельно голоден.

– Спасибо, – хрипло сказал он. – Как тебя зовут?

– Ратибор, – ответил мальчик, с любопытством разглядывая Алексея. – А ты правдиво чужой? С другого края земли?

– Можно и так сказать, – Алексей отхлебнул похлёбки. Она была грубой, но сытной. – Слушай, Ратибор... что здесь происходит? Почему все так напуганы?

Мальчик нахмурился, его любопытство сменилось настороженностью.

– Лес шевелится. Злится. Защита Древа слабеет. Скоро... – он замолчал, боясь сказать лишнее.

– Скоро что?– Ритуал, – прошептал Ратибор. – Чтобы Древо силу набралось. Чтобы лес успокоился.

– Какой ритуал?

Но мальчик уже отступал к двери, испуганный собственной болтливостью.

– Мне нельзя. Спроси у Белославы. Или у Всеведы.

Всеведа. Имя прозвучало в сознании Алексея как удар ко-

локола. Он вспомнил лицо девушки. Это была она.

– Ратибор, подожди! – Алексей сделал шаг вперёд, но мальчик выскочил наружу, и дверь снова захлопнулась.

Алексей замер, сжимая в руке тёплую миску. Пазлы начали складываться в ужасающую картину. Деревня в осаде. Какое-то Древо, дающее защиту. Ритуал для его подпитки. И девушка по имени Всеведа, «дочь леса», в глазах которой была обречённость.

Его миссия обретала чудовищный смысл. Его послали сюда не для изучения быта. Его послали сюда, чтобы остановить человеческое жертвоприношение.

Холодная волна отвращения и ужаса прокатилась по его телу. Он, циник и скептик, вдруг оказался в центре кровавой языческой драмы. Всё, что он читал в учебниках, все эти сухие строки о «жертвоприношениях духам» – оказалось правдой. Грязной, пахнущей страхом и смертью правдой.

Он поставил миску на пол, еда встала комом в горле. Он должен был выбраться отсюда. Должен был поговорить с кем-то, кто способен слушать. Со знахаркой. С Белославой.

Он начал методично осматривать своё узилище. Стены из толстых, грубо отёсанных брёвен. Крыша, сплетённая из жердей и покрытая дёрном. Дверь – единственный выход. Массивная, из цельных досок, скреплённых деревянными шипами. Снаружи – засов.

Он был учёным, а не воином. Силой ему эту дверь не взять.

В отчаянии он сжал кулаки, и его пальцы снова наткнулись на шрам-символ на ладони. Боль, притупившаяся было, вспыхнула с новой силой. И вместе с болью в сознании возник новый образ.

Он увидел себя, стоящим перед хижинкой Белотура. Он видел её изнутри. Полки, уставленные глиняными горшками и связками трав. Очаг, в котором тлеют угли. И на одной из полок, в тени, стояла статуэтка. Почти такая же, как его тотем. Но её форма была чуть иной, более угловатой, а поверхность была не тёмной, а серой, потрескавшейся, будто её выдержали в огне.

Второй тотем.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Алексей тяжело дышал. Что это было? Подсказка? Его разум, подсказывающий выход? Или... нечто иное, что вселилось в него вместе с этим проклятым артефактом?

Он не знал. Но он знал, что должен добраться до хижины волхва. Должен найти тот второй тотем. Инстинкт подсказывал, что это как-то связано со всем происходящим.

План, безумный и отчаянный, начал формироваться в его голове. Он не мог сломать дверь. Но он мог попытаться обмануть того, кто её откроет.

Он подошёл к углу, где его вырвало, и сгрёб на это место свежей соломы, маскируя. Потом отнёс почти полную миску с похлёбкой в самый тёмный угол и лёг на солому спиной к двери, притворяясь спящим или потерявшим сознание. Он

замедлил дыхание, заставил тело обмякнуть.

Оставалось только ждать. И слушать. Снаружи доносились голоса. Он улавливал обрывки фраз. «...Белотур говорит, ждать нельзя...» «...после заката... приведёт её к Древу...» «...а если не принять жертву, лес поглотит всех...» «...Всеведа... бедная дитя...»

Сердце Алексея бешено колотилось. Время истекало. **21:17:55**

Он слышал шаги. Голос своего тюремщика, того самого мужчину с колом. Кто-то окликнул его: «Стрибог! Иди сюда, нужно укрепить западную стену!»

Стрибог. Имя тюремщика.

Шаги удалились. Алексей затаил дыхание. Он молился всем богам, в которых не верил, чтобы Стрибог, уходя, не задвинул засов на запад.

Прошли минуты, каждая из которых казалась вечностью. Алексей лежал не двигаясь, его мышцы затекали.

И тогда он услышал это. Лёгкий, но отчётливый скрежет дерева о дереве. Дверь была не заперта. Стрибог, спеша на помощь, просто прикрыл её.

Медленно, бесшумно, Алексей перевернулся и поднялся на ноги. Он подкрался к двери и прислушался. Никого.

Он толкнул дверь. Она бесшумно отъехала, впуская внутрь полосу яркого дневного света.

Алексей Прохоров сделал свой первый шаг навстречу проклятому прошлому. Он вышел из хлева. Прямо на него,

широко раскрыв глаза, смотрел мальчик Ратибор, державший в руках какую-то деревянную игрушку.

Их взгляды встретились. Ратибор замер, не зная, кричать ли или бежать.

Алексей поднял палец к губам.— Тишина, — прошептал он. — Ратибор. Где хижина Белотура?

Мальчик, не отрывая от него испуганного взгляда, медленно поднял руку и указал на самую большую, почерневшую избу в центре деревни, ту самую, у которой он видел волхва и знахарку.

Алексей кивнул.— Спасибо. И... прости.

Он рванул с места, пустившись бежать через деревню, к хижине волхва, оставляя позади ошарашенного мальчишку. Следующая остановка в его безумном квесте — логово человека, который видел в нём лишь вестника смерти.

Глава 4. ЦЕНА ЗАЩИТЫ

Бег через деревню был коротким, ослепительным и оглушительным кошмаром. Выскочив из хлева, Алексей на мгновение ослеп от яркого дневного света после полумрака. Воздух, пахнувший дымом, людским потом и прелой листвой, ударил в ноздри.

Первый же крик раздался почти сразу. Женщина, тащившая вёдра на коромысле, увидела его, широко раскрыла глаза и с визгом отпрянула, расплескав воду. Какой-то старик, сидевший на завалинке, затрясся и начал креститься странным, широким жестом, бормоча что-то непонятное.

«Чужак! Беда вырвалась!» – донёсся откуда-то возглас.

Алексей не останавливался. Он бежал, прижимая к груди пылающую ладонь, его цель – тёмная, похожая на гигантский гриб-дождевик изба Белотура. Он видел её. Всего несколько десятков метров.

Но эти метры оказались непреодолимой пропастью. Из-за угла ближайшей избы высыпало трое мужчин. Тех самых, что он видел на частоколе. В руках у них были топоры и рогадины. Их лица исказила не ярость, а нечто худшее – панический, слепой ужас.

– Стой, нечисть! – закричал самый крупный из них, широкоплечий детина с окладистой рыжей бородой. Он выставил вперёд рогатину. – Назад, в хлев!

– Мне нужно к Белотуру! – попытался крикнуть Алексей, сбивчиво и хрипло. – Я не несу угрозы!

– От тебя одной угрозы и исходит! – прорычал другой мужчина. – С тех пор как ты появился, лес озверел! Ты привлёк их!

Их. Алексей вспомнил окровавленную, чешуйчатую ветку. Крики ночью.

Он попытался было рвануть в сторону, оббежать их, но путь ему преградили ещё люди. Сбегалась вся деревня. Десятки глаз, полных страха, ненависти и отчаяния, уставились на него. Он был окружён. Кольцо из теснящихся, враждебных лиц сжималось.

– Убить его! – раздался чей-то пронзительный женский крик. – Он нас всех погубит! Убить, пока Белотур не велел!

Рыжий детина с рогатиной сделал угрожающий шаг вперёд. Алексей отступил, спина его упёрлась в стену чьей-то избы. Пути к отступлению не было. Он был прижат. Идея поговорить с Белославой рухнула, не успев родиться.

И тут толпа расступилась. Сквозь неё медленно, с невозмутимым, ледяным спокойствием прошёл Белотур. Он не смотрел на Алексея. Его взгляд был обращён к его охранникам.

– Я говорил, Стрибог, – голос волхва был тихим, но он прорезал гул толпы, как нож. – Дверь должна быть на засове.

Стрибог, тот самый одноокий страж, стоял понурившись, как провинившийся ребёнок. – Виноват, старейшина... Зва-

ли на стену... думал, ненадолго...

Белотур медленно повернул голову и наконец взглянул на Алексея. В его глазах не было гнева. Была лишь усталая, древняя ясность.

– Ты видишь? – спросил он, и его вопрос был обращён ко всем и ни к кому конкретно. – Он не бьётся в истерике. Не молит о пощаде. Он смотрит и вычисляет. Как зверь. Или демон.

– Я человек! – выкрикнул Алексей, пытаюсь вложить в голос всю силу своего отчаяния. – Я из другого времени! Меня прислали... меня прислали предотвратить убийство!

В толпе пронёсся вздох ужаса. Слово «убийство» прозвучало как кошунство.

– Какого убийства, чужак? – голос Белотура оставался спокойным.

– Всеведы! Дочь леса! Её хотят принести в жертву!

Наступила мёртвая тишина. Люди переглядывались, некоторые отводили взгляд. Рыжий детина с рогатиной опустил оружие, его лицо стало мрачным.

– Жертву? – Белотур медленно покачал головой. – Ты ничего не понимаешь. Ни в нашей жизни, ни в нашей смерти.

– Объясните мне! – умолял Алексей. – Я историк! Я изучаю вашу эпоху! Я хочу понять!

– Нашу эпоху? – в голосе Белотура впервые прозвучала ядовитая нотка. – Ты думаешь, мы здесь для того, чтобы ты нас изучал? Чтобы записывал в свой свиток, как диких зве-

рей? Мы *выживаем*. Каждый день. И то, что ты называешь «убийством» – это цена нашего выживания. Цена, которую Всеведа платит добровольно.

– Добровольно? Ребёнок?

– Она не ребёнок, – раздался новый голос. Из толпы вышла Белослава. Её лицо было пепельно-серым, но глаза горели твёрдым, принявшим свою судьбу огнём. – Она – дочь леса. Последняя в нашем роду, чья кровь может говорить с Древом. Она – моя внучка. И её долг – спасти тех, кто остался.

Алексей смотрел на неё, не в силах найти слов. Эта женщина, бабушка, спокойно говорила о предстоящей смерти своей внучки.

– Нет другого способа? – прошептал он.

– Был, – холодно ответил Белотур. – Сорок зим назад. К нам пришёл другой, как ты. «Посланник». Он тоже кричал о «убийстве». Он помешал ритуалу. Он спас одну жизнь. – Волхв сделал паузу, давая словам просочиться в сознание. – И в ту же ночь Лес проснулся. Он забрал двадцать три жизни. Стариков, женщин, детей. Мы хоронили их по частям. С тех пор защита Древа слабеет с каждым годом. Мы отступаем. Мы теряем людей в каждой стычке с теми, кого ты не видел, но чей след уже чувствуешь. Следующая ночь без защиты будет последней для всех. Для Всеведы в том числе.

Алексей почувствовал, как почва уходит из-под ног. Его уверенность, его миссия – всё рассыпалось в прах. Он не

был спасителем. Он был... дубликатом. Ещё одним глупцом, присланным повторить ошибку, которая убьёт десятки.

– Но... я должен... – он смотрел на свой шрам. Таймер тикал.**20:08:33**

– Ты должен оставаться там, где тебе положено, – безразлично сказал Белотур. – До заката. Потом ты станешь свидетелем. Свидетелем того, как истинная жертва спасает свой народ. А потом... мы решим, что с тобой делать.

Он кивнул Стрибогу и рыжему детине.– Верните его. И на этот раз... привяжите.

Сильные руки вцепились в плечи Алексея. Он не сопротивлялся. Его воли не было. Его разум был парализован откровеннейшей бездной. Его миссия была ложью. Его спасительство – убийством.

Его потащили обратно к хлеву. По пути он увидел её. Всеведу. Она стояла на пороге большой избы, смотрела на него. И в её глазах не было ни страха, ни ненависти. Была лишь бесконечная, всепонимающая печаль. Она знала. Знала всё. И была готова.

В темноте хлева его привязали верёвкой к центральному столбу. Стрибог, мрачный и молчаливый, сделал свою работу и ушёл, наглухо задвинув засов.

Алексей сидел на соломе, прислонившись к грубому дереву. Прахом оказалась не только его миссия, но и его карьера, его наука. Он изучал мёртвое прошлое по черепкам и летописям. Он спорил о деталях, будучи уверенным, что знает

общую картину. А картина оказалась живой, дышащей, полной боли и невозможных выборов.

Он закрыл глаза. Воспоминание о втором тотеме в хижине Белотура всплыло с новой силой. Зачем он там? Почему волхв хранит такую же вещь? Связано ли это с тем первым «посланником»?

Мысли путались, уводя в дебри безысходности. Миссия была бессмысленна. Возвращение – невозможным. Оставалось только одно – стать свидетелем. Увидеть, как его идеализм и вера в гуманизм разобьются о жестокий жернов реальности, в которой выживание целого племени стоит одной девичьей жизни.

Он сидел в темноте, слушая, как снаружи деревня готовится к ритуалу. Слышал заговорённые песни, звяканье ритуальных предметов. И тиканье таймера в своей голове. **19:15:01**

Он был учёным, попавшим в ловушку собственного предмета изучения. И цена за знание оказалась слишком высокой.

Глава 5. НОЧНЫЕ ТВАРИ

Часы, проведённые в темноте, слились в один непрерывный кошмар. Алексей не спал. Верёвка впивалась в запястья, но физическая боль была ничтожна по сравнению с ментальной пыткой. Он был учёным, и его разум отчаянно пытался найти логику, выход, альтернативу. Но любое уравнение сходилось к одному: смерть девочки или смерть всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.